

— ...

Олдрич умолк и опустил взгляд на Чжоу Цзиня. Тот контролировал выражение лица просто безупречно: казался невинным и слегка обеспокоенным, ничем не выдав себя в незнакомой обстановке. Его актёрское мастерство можно было назвать поистине безукоризненным.

Олдрич немного успокоился: по крайней мере, отношение матери, казалось, не сильно задело Чжоу Цзиня. Он подвёл его к фуршетному столу:

— Хочешь что-нибудь попробовать?

Чжоу Цзинь бросил беглый взгляд на угощения:

— Крокодилово-вишнёвый пирог.

Олдрич тут же уложил на тарелку искусно приготовленное пирожное и протянул Чжоу Цзиню. Тот отрезал маленькую серебряную вилочку, отправил в рот и искренне улыбнулся:

— Стоит признать, придворные кондитеры мастерски готовят. И впрямь неплохо.

Олдрич мысленно сделал пометку и, глядя на Чжоу Цзиня взглядом влюблённого фанатика, наблюдал, как тот по кусочку уплетает угощение. Чжоу Цзинь вовсе не возражал против такого внимания: доев, он молча протянул тарелку Олдричу, совершенно естественным образом наслаждаясь чужим сервисом.

Сочтя, что настроение у того сейчас должно быть хорошим, Олдрич окинул взглядом стол, подцепил крокодилово-вишнёвый профитроль и протянул Чжоу Цзиню. Тот с готовностью принял угощение, а Олдрич воспользовался моментом, чтобы прощупать почву:

— Насчёт моей мамы... не принимай её слова близко к сердцу.

Чжоу Цзинь вовсю наслаждался нежной тающей текстурой профитроля — эта сладость была огромной редкостью, и только императорский двор мог позволить себе разбрасываться ею в таких количествах, не испытывая ни малейшего сожаления. Будучи в хорошем настроении, он не стал трепать Олдричу нервы:

— Мм, не буду принимать близко к сердцу.

Олдрич внимательно наблюдал за его мимикой, пытаясь понять, искренен ли он. Чжоу Цзинь добавил:

— Всё равно её не поколотишь. Тех людей, отомстить которым я не могу, я обычно просто во внимание не принимаю. В следующий раз буду держаться подальше — вот и всё.

— ...

Чжоу Цзинь аккуратно доел профитроль, взял салфетку и вытер руки:

— На десять часов, вон тот юноша.

Чжоу Цзинь слегка наклонил голову и издали улыбнулся парню, а затем неторопливо бросил Олдричу:

— Уже добрую минуту на тебя пялится.

Олдрич проследил за взглядом Чжоу Цзиня и едва не застонал. Это был главный герой его недавней любовной драки в баре — младший сын министра здравоохранения, Энди Ромальф.

— Он бета, — пояснил Олдрич.

Чжоу Цзинь не упустил мелькнувшую на лице Олдрича судорогой гримасу и, наблюдая за происходящим со стороны, почувствовал себя зрителем в театре:

— Я знаю, я же не слепой. Видишь? Он идет сюда.

За свою бурную жизнь Олдрич нередко высматривал в барах подходящих бет на роль фиктивных партнёров. Стандарты были просты: во-первых, смазливая внешность, во-вторых — богатая личная жизнь, чтобы подкреплять его репутацию распутного молодого господина. Обычно, добившись расположения человека, он спустя недели две бросал его ради следующего. Столь стремительная перемена отношения вызывала крайнее презрение окружающих.

Появление в жизни Олдрича Энди Ромальф было чистой случайностью. В тот момент Олдрич, по обыкновению, соревновался в выпивке и попутно изображал сильное опьянение. Кто бы мог подумать, что, заноса руку с бутылкой, он случайно заденет альфу, который как раз пытался познакомиться с Энди Ромальфом. Олдрич воспользовался случаем, немного задиристо поцапался с тем альфой, а заодно увёл Энди Ромальфа из бара. Избавиться от него потом так и не удалось.

Стоит отметить, что у бурной личной жизни Олдрича был побочный эффект: поскольку никаких реальных интимных «отношений» ни с кем не завязывалось, слухи о том, что второй принц в постели ни на что не годен, не утихали. Хотя Олдричу было наплевать — в конце концов, его целью было испортить себе репутацию, а уж какими именно красками она покроется, его не волновало, — это не значит, что остальным было всё равно. На самом деле, в последние годы, закрепив за Олдричем репутацию человека с тайным недугом, никто больше не желал закрутить историю с этим вторым принцем.

Но Энди Ромальф оказался белой вороной среди любовных интрижек Олдрича. Он не только плевать хотел на сплетни, но, казалось, искренне верил, что Олдрич — замечательный человек, и с той самой ночи гордо величал себя законным парнем второго принца.

Если бы старый Лоррейн и Дейна не настаивали на том, чтобы Олдрич нашёл себе пару среди омег, трудно сказать, не растопило бы такое поведение Энди Ромальфа сердца этой парочки и не начали ли бы они растить из него будущую жену второго принца.

В углу глаза Олдрича уже маячила приближающаяся тёмная фигура. Медлить с объяснениями

было некогда, и он торопливо бросил:

— Что бы он ни говорил, ничему не верь.

Чжоу Цзинь едва заметно приподнял бровь.

Энди Ромальф был весьма миловидным юношей. Подойдя к ним, он почти не сводил глаз с Олдрича, а его вид — вид глубоко и безнадежно влюбленного — мог вызвать жалость у кого угодно и одновременно заставить зрителей мысленно осудить бессердечного негодяя Олдрича.

— Давно не виделись.

Энди Ромальф, казалось, вовсе не собирался замечать Чжоу Цзиня — он полностью проигнорировал его приветствие и обратился напрямую к Олдричу:

— Я очень скучал.

Хотя окружающие, следившие за этой сценкой, вряд ли могли расслышать слова, неловкость Чжоу Цзиня и готовое сорваться в бегство выражение лица Олдрича считывались на ура. Совершенно не обращая внимания на сплетнические взгляды толпы, Энди Ромальф заявил:

— Я буду ждать тебя, сколько потребуется.

Сказав это, он наконец бросил на Чжоу Цзиня вызывающий взгляд.

— ... — Чжоу Цзинь.

Олдрич решил, что сегодня выдался на редкость неудачный день. Не дожидаясь, пока этот парень выкинет ещё какой-нибудь номер, он полуобнял Чжоу Цзиня и увёл его из баллального зала в императорский сад.

Даже ночью пейзаж императорского сада выглядел весьма неплохо: грамотное сочетание света и ландшафтного дизайна не позволяло теням казаться зловещими или мрачными, но и не оставляло всё на слишком банальном, лишённом атмосферы дневном свете. Доведя Чжоу Цзиня до клумбы, Олдрич отпустил его и с досадой зарылся пальцами в волосы, окончательно растрепав свою аккуратную причёску.

— Послушай... — он раздражённо сделал пару шагов туда-сюда, явно не зная, с чего начать, но, едва раскрыв рот, тут же замолк.

Чжоу Цзиню было жаль лишь то, что он не успел съесть побольше крокодиловых пирожных, и на терзания Олдрича ему было глубоко наплевать. Оглядевшись, он наконец заметил скамейку и, оставив мечущегося зверя в человеческом обличье в покое, неспешно направился к ней.

Заметив, что Чжоу Цзинь уселся сам по себе, Олдрич уже собирался последовать за ним, как за спиной раздался голос:

— Олдрич! Что ты здесь делаешь?

— Старший брат! — радостно обернулся Олдрич. Перед ним действительно стоял старший принц империи Олан — Сэнди Лоррейн.

Черты лица Сэнди были не столь утонченными, как у Олдрича, но оба щеголяли золотистыми волосами и унаследовали от старого Лоррейна высокий прямой нос, так что при ближайшем рассмотрении фамильное сходство было налицо.

Сэнди недовольно посмотрел на брата:

— Сегодня день рождения Её Величества императрицы, почему ты не в зале? Опять устраиваешь балаган?

Чжоу Цзинь сидел на скамейке, как раз на границе света и тени. Он с любопытством наблюдал за Олдричем и заметил на лице того выражение, какого раньше никогда у него не видел — смесь благоговейного восхищения, радости и жгучего чувства вины. Зрелище было поистине пугающе сложным.

— Возвращайся, — смягчив тон при виде постороннего, произнес Сэнди. — Сегодня день рождения матушки, ты, как сын, должен быть там. И уж точно не время устраивать глупости.

Сэнди кивнул Чжоу Цзиню, показывая, что тому не обязательно вставать, бросил ещё пару напутствий Олдричу и быстрым шагом направился обратно к бальному залу.

Олдрич проводил взглядом исчезающую фигуру брата и лишь после этого повернулся.

Чжоу Цзинь никогда ещё не видел его в таком подавленном состоянии. Привыкнув к их (пусть и односторонним) словесным баталиям, он растерялся и не знал, что сказать.

— Он мой старший брат, — заговорил Олдрич, объясняя ситуацию. — Его воспитывали как наследника престола пятьдесят лет. Если бы у меня не обнаружили аномалию ментальной силы, именно он принял бы скипетр из рук моего отца и стал седьмым императором империи Олан.

— До моего появления все требовали от Сэнди соответствия стандартам наследника. Он пятьдесят лет пахал ради этого без единой передышки: шёл в армию уничтожать зергов, ловил космических пиратов, начав с рядового солдата и поднимаясь по ступенькам до самого верха, забывая о статусе принца. На Старой Земле этого хватило бы на целую человеческую жизнь. И вот из-за моего так называемого «дара» в одночасье все его достижения были перечеркнуты, цель, к которой он стремился, отобрана, а весь труд обратился в пепел.

Чжоу Цзинь представил на мгновение, каково пришлось бы ему самому... и тут же оборвал эту мысль. Вообразить подобное было просто невозможно.

— И это причина, по которой ты решил прилюдно отказаться от себя?

— Они не понимают: выдающийся дар — ещё не всё, я совсем не гожусь на роль короля. Сэнди

— другое дело. В нём есть природное милосердие и великодушие, решительность, закалённая в боях, и прекрасное понимание политики. Сэнди рождён для того трона. Я протестовал много раз — это был едва ли не единственный способ заставить их отказаться от меня.

Чжоу Цзинь с сожалением посмотрел на Олдрича:

— Судя по всему, толку от этого мало.

При нынешнем уровне развития технологий старый Лоррейн мог прожить ещё по меньшей мере полвека, и времени у него было вагон, чтобы лелеять несбыточную надежду со временем перевоспитать Олдрича.

На лице Олдрича читалась чистая беспомощность. Чжоу Цзинь не знал, что в расчёты семейки вошёл и он сам.

Чжоу Цзинь подкинул паршивенькую идею:

— Почему бы просто не избавиться от твоей ментальной силы? Вырубить корень — и проблема решена раз и навсегда.

Олдрич с надеждой уставился на него. Чжоу Цзинь невозмутимо продолжил:

— Просто вырежи железу. Я читал научные статьи: после удаления железы в организме происходят сильные изменения, особенно в плане ментальной силы — исследования показывают колоссальное влияние. Даже если твоя ментальная сила откатится всего лишь до S-класса, на её фоне шансы твоего старшего брата заметно возрастут.

— ... — Олдрич.

Заметив его несогласие, Чжоу Цзинь предложил другой вариант:

— Разумеется, можно не действовать столь радикально. Смастерить маленький маскировочный прибор, закрепить его незаметно и приложить к сканеру — он заблокирует часть ментальной силы или напрямую подстроит выходные показатели теста.

При этом Чжоу Цзинь уперся рукой в подбородок, посчитав подобное устройство вполне осуществимым, хотя круг потенциальных пользователей будет крайне узок, а практической пользы — минимум. Впрочем, для него создание подобных вещей порой было чистым проявлением мастерства, не имеющим ничего общего с практичностью.

Увлечённый его сосредоточенным видом, Олдрич и сам ненадолго погрузился в фантазии, но тут же опомнился:

— Не нужно.

Чжоу Цзинь, испуганный внезапным повышением голоса, оторвался от раздумий и удивленно посмотрел на него.

— Если сейчас выяснится, что с моей ментальной сирой что-то не так, помолвку аннулируют в ту же секунду.

Олдрич, прекрасно знавший подноготную, едва не покрылся холодным потом от собственной недавней мысли. Действительно, если бы ментальная сила Олдрича не дотягивала до двух S, оснований для его брака с Чжоу Цзинем просто не осталось бы. Федерация наверняка нашла бы тысячу и одну причину расторгнуть соглашение ради успокоения граждан. А даже если бы и не расторгла, претендовать на брак с Чжоу Цзинем уж точно выпал бы шанс кому угодно, но не Олдричу.

Чжоу Цзинь ошарашенно хлопал глазами, не понимая причин внезапного волнения Олдрича: он-то всё ещё витал в облаках конструирования подавителя сигнала и понятия не имел, какие сложные схемы крутятся в голове собеседника.

— Раньше мне было всё равно, но теперь у меня есть то, что я не могу потерять, — редким серьезным тоном Олдрич обратился к нему за помощью. — Есть ещё какие-нибудь способы?

Чжоу Цзинь крайне недовольно посмотрел на того, кто смел прервать его мыслительный процесс. Глянув на часы, он поднялся — мол, ещё успеет вернуться и заглотить парочку крокодиловых пирожных:

— Ну, например, дать какому-нибудь зергу себя покусать или сбежать в пираты. Способов впасть в отчаяние масса, незачем так надрываться. В следующий раз, когда полетишь на корабль космических пиратов, просто не надевай шлем.

— ... — Олдрич.

Вернувшись в главный зал тем же путем через боковую дверь, Чжоу Цзинь столкнулся нос к носу с Энди Ромальфом. Он аккуратно придержал того за локоть, но Энди с силой оттолкнул его.

Чжоу Цзинь решил проявить редкое великодушие, но в ответ не услышал даже капли благодарности: парень смотрел на него так, будто Чжоу Цзинь был деспотом-барыгой, угнетающим бедный народ, с полным классовой ненависти выражением лица.

— Я не сдамся! Не думай, что раз ты омега, то тебе всё дозволено!

Чжоу Цзинь, которого с малых лет травил Лилит, сыт по горло подобными сценами. Глядя на озлобленную физиономию Энди, он скривил губы, демонстративно обвился рукой вокруг шеи Олдрича и с притворно-сладкой улыбкой ободрил соперника:

— О, тогда постарайся изо всех сил!

Энди Ромальф чуть не задохнулся от ярости. Олдрич же, напротив, чувствовал себя польщенным до глубины души — ощущение прильнувшего к нему Чжоу Цзиня было просто восхитительным. Однако сказка длилась меньше минуты: как только Чжоу Цзинь под предлогом взять закуску освободил объятия.

— Господин Санци, вы не могли бы приструнить свои любовные похождения? Если в следующий раз повторится что-то подобное, не обессудьте, церемониться не стану.

Олдрич был готов поклясться чем угодно:

— Клянусь, раньше это было чистой воды показухой! Я их и пальцем не трогал!

Чжоу Цзинь молча доел пирожное, открыл свой наручный компьютер и вывел на экран свеженайденную фотографию: Олдрич прижимает к себе в коридоре бара фигуру, комплекцией подозрительно похожую на Энди Ромальфа.

— И правда. Трогал не пальцем, а руками.

— ... — Олдрич.

Он осторожно скосил глаза на Чжоу Цзиня и, хотя понимал, что шансов мало, всё же с надеждой и робкой мольбой поинтересовался:

— Ты... ревнуешь?

На лице Чжоу Цзиня застыло выражение крайнего недоумения от чужой глупости:

— Послушайте, господин Санци, мы с вами партнёры. Разве мы не должны по возможности избавлять друг друга от лишней головной боли?

Увы, звучало это неубедительно, ведь Олдрич только что принял на себя удар колоссальных масштабов из-за него. Чжоу Цзинь и сам понял неловкость сказанного и под растерянными обиженным взглядом Олдрича, так и не найдя лучшего оправдания, сдал назад:

— Ладно, я сказал «по возможности». Если не получается, будем друг друга понимать и прощать.

Олдрич смотрел на отчитывающего его с видом правого Чжоу Цзиня и по принципу «любовь зла» находил его невероятно милым в любой ситуации. К сожалению, мысли Чжоу Цзиня текли совершенно в ином русле: он лихорадочно соображал, как бы на пару дней слинять из дома, испытать новую малокалиберную пушку и попутно спихнуть всю ответственность на Олдрича.

Бал подошел к концу. Чжоу Цзиню предстояло вернуться на созвездие Лиры, и перед отъездом из соображений приличия он всё же нанёс визит вежливости старому Лоррейну и Дейне. По лицу Дейны было ясно, что настроение у неё хуже некуда: весь вечер Олдрич почти неотлучно провёл рядом с Чжоу Цзинем, и она воспринимала это как прямую пощёчину своей власти. Тем более что, с её точки зрения, раз Чжоу Цзинь не в силах обуздать буйный нрав Олдрича, то и само его присутствие теряет всякий смысл.

Когда Чжоу Цзинь попрощался, Дейна остановила его:

— Господин Чжоу, пожалуй, мне стоит кое о чём вам напомнить.

Сохраняя дежурную улыбку, Чжоу Цзинь поинтересовался:

— У Её Величества есть для меня указания?

— Хотя Олдрич пока ещё любит подурачиться, он всё же первый в истории человечества обладатель двойного S-уровня ментальной силы. Я надеюсь, вы понимаете, какое значение он имеет для всего человечества. Перестаньте втягивать его в сомнительные авантюры.

Пару секунд Чжоу Цзиню казалось, будто Дейна прознала про их вылазку на Чёрный Рог. Прислушавшись к себе, он понял — нет, не прознала. Прокрутив в голове её слова, он сообразил, что императрица просто попрекает его сегодняшним поведением. Выдохнув с облегчением, он уже хотел было ответить, но Олдрич опередил его:

— Матушка, в день рождения не стоит забивать голову лишними заботами. К тому же, если говорить об участии в сомнительных авантюрах, у меня опыта куда больше, чем у Чжоу Цзиня.

Он прикрыл Чжоу Цзиня плечом, буквально спрятав за своей спиной.

— Уже поздно, я провожу Чжоу Цзиня.

Оставив Дейну с лицом, покрытым морозной коркой, он напрямик увёл Чжоу Цзиня на космодром.

— Не обращай внимания, у матушки вечно масса оторванных от реальности идей, — пояснил Олдрич, управляя флаером. Смотря строго вперёд, он упустил промелькнувшую на лице Чжоу Цзиня хитрость.

— Да ничего страшного. Если подумать, я действительно втягивал тебя в сомнительные дела — например, поездку на Чёрный Рог. Каким бы разгильдяем ты ни был, вряд ли бывал в таких дырах.

Чжоу Цзинь говорил предельно искренне, и голос его звучал даже слегка подавленно. Олдрич решил, что тот испугался строгости Дейны: в конце концов, по меркам Федерации Чжоу Цзинь был кумиром нации, которому никто в жизни не смел сказать слова поперёк, не говоря уже о публичных шпильках от самой императрицы.

— Нет, я бывал там раньше. Пираты сбывают на Чёрном Роге краденое, я заглядывал туда пару раз, но из-за низкого допуска дальше внешнего периметра меня не пускали.

— Вот как, — Чжоу Цзинь замолчал на пассажирском сиденье.

Олдрич бросил на него полный тревоги взгляд:

— К тому же поездка со мной туда свелась к обычной покупке мелочей, ничего предосудительного. Матушка просто поднимает панику из ничего.

Уголки губ Чжоу Цзиня чуть приподнялись:

— Разве поездка на Чёрный Рог и правда не считается чем-то плохим?

Олдрич поспешно заверил:

— Конечно! Даже если это и не поощряется, я сам там бывал.

Чжоу Цзинь улыбнулся:

— Вот и отлично. В следующий раз, когда потащу тебя туда, мне хотя бы не придётся мучиться угрызениями совести.

Олдрич припарковал флаер, взглянул на победную улыбку Чжоу Цзиня и, убедившись, что настроение того не испорчено выходкой Дейны, тоже улыбнулся:

— Если хочешь куда-то отправиться, просто скажи, не нужно ходить вокруг да около. Для тебя я готов на всё.

Чжоу Цзинь на секунду замер, а затем поинтересовался:

— Включая отказ от метки навсегда?

Олдрич не ожидал такого вопроса и растерялся, не зная, что ответить.

Уголки губ Чжоу Цзиня изогнулись в саркастичной усмешке:

— Видишь? Не стоит разбрасываться обещаниями, если не можешь их сдержать. К тому же, не забывай о нашем договоре — хочешь не хочешь, а придётся согласиться.

Федеральный корабль уже стоял на стартовой площадке. Поднявшись на борту, Чжоу Цзинь к своему удивлению обнаружил среди встречающих Ван Е Вэя. Подумав, он вспомнил: с тех пор как тот стал исполняющим обязанности командующего Вторым легионом, Ван Е Вэй словно прописался повсюду — работы у него явно прибавилось.

Однако вид у Ван Е Вэя был вовсе не расслабленный. Едва корабль вышел на орбиту, он сказал Чжоу Цзиню:

— Я здесь не для того, чтобы сопровождать тебя на столичную планету.

— Почему?

— В проекте, над которым ты работал с профессором Майклсоном, возникли проблемы. Я здесь, чтобы отвезти тебя на секретную базу.

Лицо Чжоу Цзиня выражало абсолютное недоумение:

— Какие проблемы?

— Об этом тебе расскажут позже, на месте всё узнаешь.

Ван Е Вэй попытался его успокоить:

— Не переживай, со мной тебе ничего не грозит.

Совершив три прыжка через гиперпространство, они наконец прибыли в пункт назначения. Сойдя вслед за Ван Е Вэем с трапа, Чжоу Цзинь по планировке зданий понял, что перед ним вновь военный объект.

Его провели в комнату, и Ван Е Вэй тихо бросил на ходу, так, чтобы расслышал только он:

— Не нервничай, это просто стандартный допрос.

В голове Чжоу Цзиня пронеслись тысячи догадок, но он подавил их. Спустя мгновение в помещение вошёл альфа в военной форме:

— Чжоу Цзинь.

Чжоу Цзинь встал и поприветствовал офицера. Тот взмахнул рукой:

— Командир Ван, выйдите.

Затем он обратился к Чжоу Цзиню:

— Садись. У меня есть к тебе несколько вопросов. Ты знаешь, для чего предназначался тот массив данных, над которым вы работали с Эриксоном Майклсоном?

Чжоу Цзинь взвесил слова:

— Первый раз — не уверен, судя по всему, речь шла о некоем типе реакции. Второй результат анализа данных должен был послужить основой для буферного устройства.

Взгляд офицера неотрывно следил за лицом Чжоу Цзиня, подмечая каждую реакцию.

— Второй вопрос: ты кому-нибудь об этом рассказывал?

— Нет. Я подписывал соглашение о неразглашении. Покинув лабораторию, я больше не возвращался к этой теме даже с профессором.

— А с Олдричем Лоррейном?

<http://bllate.org/book/19101/1876107>